

Юлия Сливина

г. Ленинск-Кузнецкий

Он был врач...

*Доктору Рочегодской больницы
Алексею Кордумову посвящаю*

Человечество все норовит выискать для себя какого-нибудь необычного героя. И с тем принимается рыться в прокопченной и давно изрубленной кривыми саблями янычар эпохе. А после - вытянуть из этой эпохи за шкварник чьего-нибудь фаворита, поместить его под увеличительное стекло романтизированного прошлого, наконец, очистить от налета всего «человеческого, слишком человеческого», покрыть бронзовой пылью и сделать образец героя. Идеал. Идол. Пожилые удовлетворенно закивают: «Вот были времена... Не то, что нынче!». Прыщавые девицы прижмут книжицу к взволнованной груди и тяжело вздохнут: «Были ведь мужчины!». Но прошлого не вернешь, да и черт знает, что там за герои! А мне так представляется, что все по большей части изнеженные пьяницы, начитавшиеся Дидро. Или бросавшиеся в другую крайность унылые постники, служащие живым укором окружающим.

Но в век отчаянного поиска героя не проще ли обратить внимание на соседний столик в кафе? Заглянуть в книгу соседа по лысой скамейке до зубов продрогшего метро? В одичавшие ладони арбатского попрошайки? Кто напишет о них – простых и невзрачных «здесь и сейчас»?! Разве только одной минуты местных новостей достойны люди, которые живут и служат своей стране без флагов и орденов?! Я хочу рассказать об одном таком человеке. Я услышала о нем из вот такой одной минуты местных новостей. Итак, он был врач...

Вдалеке справа показалась скромная церковка, прижавшаяся к берегу, как девица на выданье тянется обнять мать, прощаясь с детством. Значит, скоро за церковью будет и село. Алексей на минуту остановился, чтобы перевести дух.

- На минуту, только на минуту, - повторил он себе, как бы оправдываясь. И тут в груди у него перехватило от сиротливой, а потому по-настоящему пронзительной красоты. Неподалеку от церковки виднелся старый, развалившийся от времени, но не растащенный хозяйственными мужичками для своих строительных нужд, дом. Как старец-постник, сурово стоял он на возвышенности, и единственное сохранившееся окно смотрело на доктора строго и вопрошающе, да так, что пришлось даже разогнуть спину и вытянуться по струнке смиренно: «Кто таков? Куда идешь?». И - тоненькие березки вокруг. Хрупкие и стройные до безумия, словно выписанные кистью талантливейшего художника.

- Господи, - выдохнул Алексей, и душа его наполнилась легкостью такой, что можно было б взлететь, если б не дела земные. В каждом уголке, самом заброшенном и глухом, он, останавливаясь перевести дух, оглядывал округу, и радость охватывала всего его, а усталость отступала. Он неизменно повторял имя этого художника, и благодарность за такие чудеса не могла сорваться с губ его, одно только имя этого художника и мог он выдохнуть:

- Господи... - забывалась даже слабая, ноющая боль в правом колене – непросто ему давались такие вот дальние и каждодневные прогулки. А проехать в эти глухие места было никак нельзя. Но он знал: если не придет – больше никому. А там были люди, и люди эти, хотя и крепкие, как их дома, посуровевшие от одиночества и закаленные трудом, тоже болеют и умирают.

Он продолжил свой путь. Боль в колене сдалась и отступила. И вскоре показался ряд старых деревянных домов, аккуратных, подтянутых, как отставные вояки, готовые в любую минуту с шашками наголо идти в бой. Стройный ряд домов вдоль высокого берега реки, прямоугольные огороды без единого забора – чужие здесь не ходят. Да и с кем и что делить? Здесь никто не имеет привычки брать чужое. Здесь не трясутся за высокими заборами над нажитым. У каждого есть просторный одноэтажный дом, веранда, флигель. И затейливые резные узоры на наличниках окон, отточенные ливнями и морозными рождественскими ночами. Алексей знал: он зайдет в каждый дом, и на традиционный вопрос о здоровье ему ответят, что «все слава Богу». Здесь не привыкли жаловаться. А вот о жизни своей расскажут. В местечке, где нет даже дорог, единственным связующим звеном с цивилизацией стал коротенький железнодорожный зеленый вагон паровоза с продуктами, медикаментами и вообще всем необходимым. Здесь к гостям не привыкли. Но доктора ждут.

Алексей постучал в крепкую дощатую дверь, из глубины послышались торопливые женские шаги:

- Так-так, дохтор, значит?

Крепкая, высокая, словно из мрамора отлитая старуха Лукерья превратилась еще при жизни в памятник женскому долготерпению. Схоронила мужа, воспитала двух сыновей, проводила из дома – не слезиночки не пустила: «Летите, голубки!». Сыновья почтительные, добрые, навещали мать с календарной периодичностью. Лукерья встречала их с приветливой и неизменной улыбкой на лице, с такой же улыбкой и провожала. Только когда они исчезали из виду, шагая молодыми ногами к железнодорожной станции, она позволяла себе по-бабьи всплакнуть, и тогда же сама себя стыдилась. Стыдилась жаловаться, плакать, болеть. Ее девизом по жизни были слова «Все слава Богу!». И это сильно помогало ей. Но в последнюю эту неделю она почувствовала тяжелую поступь старости. Непривычная считать года, она удивилась бы, если бы кто-нибудь сказал ей, что она уже стара. Доктор чувствовал, что не имеет права на такие слова. Смотрел на ее испещренные морщинами, с дубленой, словно специально натянутой на пальцы кожей, и чувствовал, что о старости говорить нельзя.

- Здравствуйте, - выдохнула и тяжело опустилась на скамейку в сенцах Лукерья. И опустила глаза – виновата.

- А пойдете-ка я вам давление измерю, а вы мне – чайку, - Алексей подхватил Лукерью под руку и проводил на кухню.

- Ох, - улыбнулась Лукерья, благодарная доктору за его осторожные слова.

Пока ставила чайник на печь и шуровала разгоравшиеся угли, пока наполняла медом свою любимую в васильковых цветах пиалу, слабость привычно отступила. Лукерья твердо знала: пришел гость – накорми и напои его, последним и самым лучшим поделись. Кажется, и со смертного одра встала бы... А теперь и подавно. До ста лет

намеревалась жить она, и запашистый гречишный мед был хорошим подспорьем в ее этих планах на будущее. Все свое, натуральное, с огорода и пасеки – отчего ж и дальше века не жить? Знал это и доктор: правильный моральный настрой – первое дело. Крепость здоровья – дело второе, от первого напрямую зависящее.

А уж когда чай был на столе, Лукерья с прежней легкостью присела напротив – кажется, и не было ничего, почудилась ей старость, приснилась. Алексей измерил температуру, давление, раскрыл свой походный медицинский чемоданчик. С особенным уважением смотрела Лукерья на его чудесные приготовления – сама едва научилась писать и читать до замужества, на полях была вся ее школа, в коровниках да на мельнице – вся наука.

- Давление было повышенное у вас, вот вижу, и сейчас немного, - сказал доктор.

- Оспади!.. Давление! – всплеснула руками Лукерья. Об этом она и не подумала, хотя был это самый элементарный и понятный ответ на все ее сто бед. И матушка ее, покойница, и старенькая баба, научившая грамоте, словно бы хором из прошлого повторяли: «Береги сердце, дочь!».

- Вон оно што, - закивала Лукерья.

Алексей знал – заветный поезд будет только в конце недели, а значит, медикаментов сельчане до этого времени не получают никаких. Оттого и походный его чемоданчик был набит доверху не только медицинским всяким инвентарем, но и лекарствами от всех самых распространенных «болячек». Уж конечно, повышенное кровяное давление не было редкостью. Алексей извлек стандарт таблеток, белый, с отметкой о сроке годности, и положил на стол рядом с медом:

- По таблетке утром и вечером. И чтоб без прогулов! – и подмигнул.

- Ты командир! – развела руками Лукерья и посмотрела на таблетки, такие непривычные на ее цветущей фиалками скатерти. Но потом вскинула глаза на доктора и повеселела. Жизнь научила ее принимать все таким, как есть. Принимать и не торговаться. Нужны таблетки? Другой распорядок дня? Значит, надо так. Молодым виднее, им – жить дальше.

У стариков были обычные для их возраста проблемы: у кого давление, у кого острота слуха упала, у кого по-старчески болели кости. Но в одном доме доктора ждали очень. Ждали со дня на день, а он пришел как раз вовремя, угадал. В этом доме случилась большая беда, но она была воспринята, как большое счастье. Никто не говорил о причинах, но только о последствиях. И последствий этих ждали в беленом просторном доме, где 16 лет назад приютили глупую ничейную девчонку состарившиеся и вырастившие собственных троих детей Иван да Марья. Иван да Марья – так и звали их на деревне. И они были ярким примером того, как становятся единым целым муж с женой, как они прорастают друг в друга. Вырастили своих сына и двух дочерей, отправили в город на большую землю, и приютившие чужую глупую с рождения девчонку Иван-да-Марья вновь стали молодыми родителями. Ничейная Катюшка стала тихой и домашней, но на железнодорожную станцию ходить любила. Родителям не нравилось это, и неспроста. Узнали, что она беременна, кто виноват – выпытать не смогли. Да может и знали почти наверняка, но какой спрос с приезжающего на полчаса и женатого машиниста? В общем, забыли о причине, но стали радоваться следствию – в глухой далекой деревеньке появится младенец. Помолодеет деревня! В четвертый раз бабушка Мария волновалась громко и вслух, дед Иван – молча. Женское страдание всегда доводило его до немоты. Глядя на Катюшу с огромным ее животом, он все больше молчал.

Доктор на удивление угадал с визитом: у Катюши всю ночь болела спина, а наутро Марья поняла, что сегодня внук или внучка появятся на свет. Уже пережили они две нелегких поездки на «большую землю» к врачу и на УЗИ, уже готовились к заранее назначенному времени, но ребенок решил появиться на свет раньше.

Алексей был, надо сказать, в затруднительном положении. Даже быстрый и неподробный осмотр роженицы показал, что роды будут преждевременными и дороги она не выдержит. Стало ясно: придется принимать на дому. Опасно было принимать роды, еще опаснее – везти в село. Алексей распорядился насчет чистой воды и простыней. Дед Иван отправился молчать на улицу. Меряя дорогу широкими шагами, он сдержанно улыбался. Доктору пришлось улыбнуться через три часа с четвертью. Ребенок был тороплив, но упрям. Шел ногами вперед, но родился, ко всеобщему облегчению, здоровым. Это была девочка.

Пока Марья лила доктору воду на руки, Алексей думал о том, что могло бы быть. А могло быть «всяко». И думал о Боге. Вечный спор науки и веры был вновь разрешен в пользу последней. На этом забытом цивилизацией клочке земли, вдали от шумных аудиторий и высоких трибун, эскулап получил величайшее и исключительное право – уповать на Бога. И повсеместную обязанность – не оплошать самому.

Умение находить хорошее в своей работе поднимало Алексея каждое утро на ноги. Валила с ног неизменно усталость. Сегодня доктор знал – ему предстоит плыть на пароме, его уже заждались. В самой отдаленной деревеньке, пахнущей кедровыми орехами и разнотравьем, тоже нужна медицинская помощь. Но и самому доктору скоро эта помощь могла понадобиться. Все сильнее ныло колено, которое он ушиб, входя в очередной дом – ушиб больно и странно, словно в глазах помутилось, и дверной проем предательски сузился. И вот теперь старая травма давала знать о себе. На пароме добираться было проще, но Алексей знал, что после будет еще продолжительный пеший путь, а вездеходом он не обзавелся.

- Не на наши барыши, - вдруг сказал он вслух и сам себе рассмеялся. Выражение это он наверняка слышал от кого-то из сельчан, речь которых была богата на слова старинные и причудливые. Впору стать собирателем фольклора.

На берегу его встречала одинокая шатровая церковь, а позади нее, словно насто-роже, четыре дома, образующие никому уже не нужный адрес – улицу Масляную. В каждом доме – муж с женой, старики. Но нет никакой возможности выпытать у них точный возраст или год рождения.

- Молодые ешо, - полусурово-полушутливо отвечает Варвара, высокая стройная старуха, выше своего мужа и всех соседей на голову и даже больше. Она уже привычно шутит насчет своего возраста уже полвека, оттого много прибауток припасено у нее на случай докучных вопрошателей. А таковых-то и нет, один доктор. У Варвары и Никифора нет детей, нет родной кровиночки на большой земле, но почтовый ящик на заборе неизменно аккуратен и чист, как белый фартук хозяйки, который она снимает только перед сном.

На неизменный вопрос доктора о здоровье Варвара бойко отвечает:

- Живы будем - не помрем!

При более детальной беседе и обследовании выясняется: и кровяное давление скачет, и суставы ноют, и зрение подводит.

- Чай не девушка! – дразнит Варвара доктора. И тут же предлагает: - А ты мне пилюль пропиши! А еще лучше – травок... За пилюлями надо еще здоровье, чтоб съездить, а травы все у нас здесь...

Близилась осень, и травы собирать было самое время, но Алексей знал: никто лучше этих закаленных северными трескучими морозами людей не знал, какая травка и от чего помогает. Дед Никифор кивнул и насмешливо посмотрел на жену: за долгие годы совместной жизни он научился не спорить и просеивать все ее слова через сито сарказма.

- А ты чего молчишь? Чего не скажешь? – приступила Варвара к мужу, в очередной раз не дождавшись от него какой бы то ни было реакции.

- А чего?.. Все добром, - возразил он со все той же саркастической улыбкой.

- Добром тебе, - принялась уже по-стариковски совсем ворчать Варвара. – А зуб?! А? До петухов не спали!.. Даже водку держали на зубу! А теперь, значит, добром?!

- Помогла водка, - улыбнулся дед.

- Помогла водка, - передразнила жена, причем сделала такое ударение на слове «водка», что доктор сразу понял: в молодости не одна тарелка была разбита по поводу этого «удовольствия».

- А если загноилось чего?! – не унимался опытный диагност.

- А вот это сейчас проверим, - решил вмешаться в светскую беседу супругов Алексей. Он раскрыл свой походный чемоданчик и долго искал стоматологические инструменты – на проблемы с зубами его пациенты жаловались редко. Наконец извлек – дед Никифор покосился на блестящий холодным металлом инструмент, который помог ему словно бы переродиться, вернуться в озорное мальчишеское «вчера»:

- Самоизлечился я! – отреагировал он на приближение доктора.

Припоминая, как следует действовать с детьми в подобных случаях, Алексей принялся приговаривать:

- Я же только посмотрю, посмотрю...

- Э!.. Немцы вон тоже только посмотреть хотели... - попятился Никифор к двери.

Вот тут-то и выяснилось, что реагирующий на все беды и горести в своей жизни стоически словами «Все добром», дед Никифор до ужаса смертного боялся стоматологов. Все уговоры были бесполезны, особенно когда к разговору подключилась Варвара:

- Сдурел ты, что ли? А? - ласково спросила она. И тут случилось самое страшное, чего боялся доктор – дед засунул в рот грязную руку и с выражением лица «Не отдадим Москву фашистам» с усилием начал перебирать во рту пальцами.

- Да ты што?.. Ты што?! – Варвара прижала кулаки к груди, это копание во рту причиняло ей невероятное страдание – все чужие муки она переносила на себя, потому и не могла работать медсестрой по молодости, хотя училась и долго готовилась.

- Ы, - продемонстрировал мне побуревшую пустую десну дед. – Што смотреть? Нешто!

- Нешто! – снова передразнила его супруга. – А если разопрет?

- А ну вас! Махнул рукой Никифор. – Только без вот этих, - ткнул пальцем в сторону инструментов и посмотрел на них с ненавистью.

- Но как тогда увижу...

- А тогда и нечего! – Никифор стремительно направился к двери, путь ему преградила Варвара. Руки в боки. Непримириемость во взгляде.

- Кобра што ли? – улыбнулся дед.

- Вот, убираю инструмент обратно, видите? – Алексей демонстративно открыл сумку.

- Ы! – ощерил пустую десну дед. Приготовился, значит, для осмотра. Десна была малокровной и пустой. Видимо, зуб уже давно готовился на покой.

- И не больно? – спросил Алексей на всякий случай. Варвара зажмурилась – она все еще страдала, но катарсис был близок.

- И не болит! – торжественно ответил дед. – Как пенек! От! И ни одной щепочки!

- Ах ты пенек! – не выдержала Варвара, и это был катарсис. Она только взяла чугунный ухват, как вовремя на авансцене появился сосед, бойкий революционер и работага в прошлом, но и теперь еще желавший ворочать Землею дед Егорий. За его спиной и шмыгнул в дверь Никифор, опасаясь скандала, потерявший зуб, но не побежденный.

- У моей спина болит... Да оставь ты его, пойдем со мной, - Егорий подхватил Алексея под руку. Доктор освободил руку и принялся закрывать чемоданчик. Это была пауза, чтобы поразмыслить над предстоящим диагнозом. Боль в спине в этом плане была столь неочевидна, что без современной техники вроде УЗИ ему не обойтись. А уж какую-нибудь грыжу позвоночника совершенно точно диагностировать в полевых условиях было невозможно. Но он, конечно, пошел в соседний дом – осматривать молчаливую и тихую жену Егория. На контрасте с предыдущим пациентом.

- Никогда ведь не скажет ничего... Терпит, - с горечью говорил дед, пока они шли к их дому.

Была она туркменкой с яркими черными глазами и такими же волосами в косах, в последнее же время все чаще прятала волосы под широкий шарф, терпела боль. А этим утром впервые в жизни не смогла встать с кровати. Ни приготовить мужу завтрак, ни налить чаю – вот была настоящая трагедия для нее. Как все восточные женщины, была она всегда приветлива и спокойна, а потому, увидев утром бледное, каменное лицо жены, Егорий пришел в ужас. «В тупик», - как любил говорить он. Настоящим спасением стала новость о приезде доктора именно в этот день.

- «Ну, дам ей обезболивающее, а дальше что? Пальпацией что я обнаружу? Или в облцентр?.. А доедет или нет, если терпела боль до последнего?!» - такие мысли пронеслись в голове доктора, пока он шел мимо запашистых дровенников к приоткрытой двери соседского, зарумянившегося в лучах полуденного солнца дома – время шло гигантскими шагами, и все – не в ту сторону, что людям нужна была.

Жена Егория уже лежала на животе, и с усилием приподнялась, чтобы развернуться и поприветствовать доктора.

- Все рассказывайте!.. Давно? Сильно?..

Алексей слушал и щупал пальцами позвоночник, и из рассказа больной ничего хорошего не выходило, и один страшный диагноз в голове доктора сменял другой. И казалась ему более всего очевидной онкология, но не было никакой возможности возить с собой еще и полевую лабораторию. Все-таки поставил обезболивающий укол и оставил таблеток, просил собираться и ехать в облцентр, как «полегчает», написал направление...

Вода взволнованно выбивалась из-под края парома, Алексей наблюдал за ней остановившимся взглядом. Был поздний вечер, он возвращался домой. Сердце его теснила тоска и жалость. Именно жалость, потому что «жалеть» у славян означало «любить».

Вы спросите – где он, этот герой? Почему неполный портрет? А разве возможно закончить повествование вообще о человеке, жизнь которого посвящена служению людям?.. Пусть останется оно незаконченным, а этот портрет – эпизодическим. Главное, чтобы доктор продолжал свой путь, а церкви не рушились от продрогшего ветра. Чтобы уцелели храмы. Люди уцелели.